

Там провинциальный раскол подлежал подавлению хотя бы с помощью огня и меча в интересах единства веры, а тут самый немудрящий диакон собственным разумом сумел бы постигнуть, что подчинение греческого Востока папству — дело немыслимое.

После того как дожу Дандоло удалось провести венецианца Франческо Морозини на патриарший престол, который тот и занял в Св. Софии, в завоеванных провинциях, где только оказывалось возможным, принялись замещать должности в греческих епископиях и церквях латинским духовенством, а православные епископы либо изгонялись, либо понуждаемы были к признанию власти папы. Целые толпы неимущих священников и искателей приключений сопровождали завоевателей на походе и жаждали завладеть добычей в виде церкви и прихода.

В Фивах и Афинах, архиепископы которых удалились в ссылку, соборы были предоставлены латинскому клиру. Новый государь оставил за греческими общинами столько церквей и доходов, сколько ему заблагорассудилось. Немалое число попов частью из страха, частью из дальновидности послушно подчинились франкской церковной системе, ибо под этим лишь условием православное духовенство могло сохранить свободу и пользование предоставленной им церковной недвижимостью. В пределах епархии католического архиепископа на будущее время никакой грек не мог быть рукоположен в священники помимо соизволения католического архиепископа и владельца той местности, к которой приписан был греческий храм.

Француз Берард был возведен Оттоном де ла Рош, при котором, вероятно, состоял раньше капелланом, в сан архиепископа Афин и занял престол в парфенонском храме. Иннокентий III, который в 1200 г. утвердил Берарда в новом звании, распорядился через кардинала-легата Бенедикта точно установить число каноников в Афинах. Он подтвердил за архиепископом все права греческих его предшественников в церковной афинской провинции, предоставил метрополии те же статуты, что и парижской церкви, и поставил ее под нарочитое покровительство св. Петра.